

Когда они только прибыли в Яньчжоу, Ань Чанцин рассказал ему обо всем, что знал из прошлой жизни, соврав, будто увидел это во сне. И хотя «Пагода Долголетия», строящаяся ради молитв о здравии вдовствующей императрицы, превратилась в «драгоценную пагоду» во славу Да Е, последствия оказались теми же.

Ань Чанцин обеспокоенно произнес:

— Если так... то и в Сучжоу скоро вспыхнут беды.

В прошлой жизни смута как раз началась с Сучжоу. Защитником Сучжоу был Шэньту Сюй, родной сын великого генерала-чжугу Шэньту Бо. Шэньту Бо всегда хранил верность Его Величеству, так что они не могли предостеречь их, даже если бы захотели.

Сяо Чжигэ лишь качнул головой и глухо произнес:

— И не нужно им ничего говорить. Сейчас... чем больше хаоса, тем лучше.

Он посмотрел на Ань Чанцина и, будто спохватившись, тихо добавил:

— Возможно, совсем скоро нас призовут обратно в Ецзин.

— Неужели Его Величество... — Ань Чанцин опешил, и его глаза удивленно расширились.

Сяо Чжигэ приложил палец к его губам и слегка качнул головой.

Ань Чанцин переглянулся с ним, вспомнив слова, произнесенные им ранее на городской стене.

Он говорил... Императору Аньцину осталось жить недолго.

Возможно, поддавшись слухам о выдуманном «безумном даосе», император Аньцин разослал множество людей на его поиски. И хотя безумного даоса так и не нашли, императору попался другой «умудренный праведник».

Войдя в дворец, этот мастер преподнес флакон с пилюлями «Возвращение весны», утверждая, что они способны вернуть молодость. Император Аньцин велел испытать снадобье на других и лично увидел, как дряхлый старик преобразился, исполняясь сил и свежести. Пусть это не было полным омоложением, подобного зрелища оказалось достаточно, чтобы вскружить императору голову.

И вот уже месяца два или три император Аньцин принимал эти снадобья.

Судя по вестям, полученным Сяо Чжигэ, император Аньцин и вправду казался расцветшим и вернувшимся к поре расцвета сил: не только на утренних аудиенциях он фонтанировал энергией, но и во внутренние покои к гарему стал наведываться заметно чаще.

Император Аньцин искренне верил, что мастер обладает великим даосским искусством и продлевает ему жизнь. Однако шпионы Сяо Чжигэ в Ецзине случайно вышли на след: этот «умудренный мастер» был тысячами нитей связан с Шу-гуйфэй.

От автора:

Сунсун: В следующий раз я точно смогу порадовать тебя досыта (серьезно).

Но-но: ...?

Шу-гуйфэй много лет жила во дворце и родила третьего принца, пользуясь неизменным благоволением государя.

Она происходила из рода Шу из Динъяня, ее родная сестра Шу Линтин была генералом Гуйдэ и удерживала Юйчжоу; ее родня по матери — клан Сюэ из Ецзина — с самого основания Да Е входил в число шести родов чжугу. Влияние, стоявшее за ее спиной, не следовало недооценивать. Именно это придавало ей уверенности многие годы на равных соперничать с императрицей, ни в чем ей не уступая.

Прежде, когда третий принц был еще мал, а император Аньцин — молодым, между Шу-гуйфэй и императрицей хоть и существовала вражда, они сохраняли приличия, не выводя борьбу наружу. Прошло более десяти лет, третьему принцу исполнилось пятнадцать, и ему уже начали подыскивать ванфэй. Император Аньцин дрыхнул день от дня, увлекаясь поисками бессмертия.

Видя, что положение наследного принца становится все устойчивее, Шу-гуйфэй занервничала. Воспользовавшись тем, что император Аньцин разослал людей на поиски безумного даоса, она и подослала этого «мастера».

Ее замысел казался безупречным. Мастер действительно пользовался некоторой известностью в народе, а попав во дворец, лишь усердно изготавлял снадобья для императора Аньцина, ни разу не вмешавшись ни в дела двора, ни в интриги гарема. Если бы соглядатаи Сяо Чжигэ не наткнулись на улику случайно, никто не узнал бы, что этот «мастер» — человек Шу-гуйфэй.

Впрочем, даже узнав правду, Сяо Чжигэ не собирался разоблачать ее немедленно. Его люди раздобыли рецепт, по которому мастер варил снадобья, и показали его Ху Шифэю. Тот подтвердил, что снадобье обладает мощным укрепляющим эффектом и готовится из редчайших ингредиентов; даже придворные лекари не могли найти в нем ничего дурного.

Однако Сяо Чжигэ твердо помнил ответ Ху Шифэя после изучения рецепта: «Сильнодействующие укрепляющие средства нельзя принимать долго».

Подобные пилюли действительно способны вернуть человеку бодрость и бьющую ключом энергию. Но при длительном приеме организм привыкает к такому состоянию, и стоит пропустить хотя бы день, как человек увядает, подобно цветку эпифиллума, становясь еще слабее, чем до начала приема. К тому же пилюли действуют день-два, месяц-два, но если принимать их годами, их сила постепенно иссякает. И чтобы вернуть прежний эффект, придется постоянно повышать дозировку. А это в конечном счете приведет к тому, что ослабленный организм просто перестанет принимать лекарство — тело уподобится прорванной дамбе, дающей течь со всех сторон.

Каким бы ни был исход, он нес катастрофу.

Слышно было, что император Аньцин глубоко проникся доверием к мастеру, ежедневно беседуя с ним о даосизме и выпекая пилюли. Похоже, до того дня, когда ему придется вкушать плоды своего безумия, осталось совсем немного.

Ань Чанцин поджал губы: он и не думал, что в этой жизни император Аньцин умрет еще раньше.

В прошлой жизни император Аньцин слег от болезни лишь через два года, после чего спешно призвал Сяо Чжигэ в столицу. В этой же жизни все произошло куда раньше... Ань Чанцин поднял взгляд на Сяо Чжигэ, размышляя, не изменится ли снова течение событий.

Тогда, когда Сяо Чжигэ отозвали в Ецзин, сперва наследный принц совершил проступок, был лишен титула и разжалован в простолюдины, а затем третий принц, подавлявший мятеж, погиб от рук бунтовщиков. У императора Аньцина остался лишь один сын — Сяо Чжигэ, и перед смертью ему ничего не оставалось, кроме как провозгласить его императором. Но даже при этом в народе ходили слухи, будто Бэйчжань-ван подставил наследного принца, а третьего принца сжил со свету путем интриг... Даже смерть императора Аньцина приписывали его вине.

Отцеубийство, братоубийство... Каждое обвинение твердило, что Сяо Чжигэ взошел на престол нечестным путем.

Ань Чанцин смотрел на него с состраданием и нежностью. Он не знал, о чем думал Сяо Чжигэ в той жизни, но в этой он не хотел, чтобы тот снова нес бремя ложных обвинений. Опустив глаза, он тихо спросил:

— Если мы вернемся в Ецзин... что намерен делать князь? Будете состязаться с наследным принцем и третьим принцем?

Сяо Чжигэ удивленно посмотрел на него и, подметив тревогу в его глазах, ответил:

— Старший и третий загрызут друг друга до смерти сами. Зачем мне с ними состязаться?

Заложив руки за спину, он гордо добавил:

— Когда журавль с моллюском сцепятся, не лучше ли нам спокойно пожать плоды их вражды?

— Но наследный принц и третий принц едва ли позволят нам созерцать пожар с другого берега, — возразил Ань Чанцин.

Сяо Чжигэ кивнул и с улыбкой посмотрел на него:

— Вот именно. Поэтому, если августейший отец тяжело заболит, нам нужно найти предлог, чтобы задержать возвращение в Ецзин как можно дольше.

Ань Чанцин понял его мысль и, сжав губы, улыбнулся:

— И князь уже придумал предлог?

— Нет, — хохотнул Сяо Чжигэ, ничуть не беспокоясь, и впервые в жизни пошутил: — Вот если бы Но-но смог понести от меня ребенка, у нас появился бы готовый предлог не возвращаться в Ецзин.

Ань Чанцин опешил, а когда до него дошел смысл слов, вспыхнул от досады и легким пинком задел его голень:

— Князь становится всё более невыносимым!

Особенно после прошлой ночи — непристойности так и слетают у него с языка.

Сяо Чжигэ позволил ему выместить досаду пинком, а затем ловко притянул к себе в объятия. Обхватив его талию руками, он не стал продолжать прошлую тему, а вернулся к прежнему вопросу:

— Но-но еще не ответил мне, остался ли ты вчера вечером дово—

Не успел он договорить, как Ань Чанцин, догадавшись, что тот собирается сказать, сердито зажал ему рот ладонью.

— Доволен! — с сердцем выпалил Ань Чанцин, гневно глядя на него.

Сяо Чжигэ не поверил, решив, что тот лишь утешает его, боясь огорчить правдой. Ведь сейчас парень выглядел весьма бодрым и полным сил, ничуть не похожим на человека, не способного подняться с постели.

Хотя ванфэй и проявил чуткость, Бэйчжань-ван про себя твердо решил: сегодня вечером он непременно удовлетворит его сполна.

Ань Чанцин понятия не имел, какие мысли крутятся в его голове. Посчитав, что его ответ наконец удовлетворил мужа, он оттолкнул его и отправился заниматься хозяйственными делами поместья.

За хлопотами время пролетело незаметно, и быстро настал вечер.

Едва Ань Чанцин умылся и переоделся в легкое нижнее платье, вернувшись в спальню, как заранее подготовившийся Бэйчжань-ван втянул его за полог кровати. После короткого возгласа удивления в комнате послышался лишь тихий шорох.

В ту ночь полог у изголовья кровати колыхался, а пламя свечи в комнате трепетало. Страсть на подушке с вышитыми уточками-мандаринками бушевала до самой пятой стражи.

.....

На следующий день Ань Чанцин не смог подняться с постели.

Сяо Чжигэ наконец обрел прежнюю уверенность. Однако, глядя, как тот, поморщившись, опирается о изголовье кровати, почувствовал сострадание и раскаяние. Он подозвал Ань Фу, чтобы тот принес овощную кашу, и стал заботливо кормить его с ложечки.

Ань Чанцин сердито смотрел на него и отказывался открывать рот, не понимая, какое безумие овладело им прошлой ночью — тот ни за что не соглашался отпустить его. До сих пор в пояснице и ногах ломило от усталости.

— Не нравится каша? Повелеть кухне сварить для тебя куриный бульон?

Под его гневающим взглядом прежняя самодовольная радость Сяо Чжигэ улетучилась; почувствовав невольную вину, он стал уговаривать его еще более ласково и осторожно.

<http://bllate.org/book/18381/1767783>